

DOI: 10.31696/S086919080038273-7

РИТУАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В КУРГАНАХ ЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (К ВОПРОСУ О РОЛИ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ)¹

© 2026

С.Б. БОЛЕЛОВ^a

^a – Государственный Музей искусств народов Востока, Москва, РФ
ORCID: 0000-0003-1423-293X; BSB1958@yandex.ru

Резюме: В статье подробно рассматриваются захоронения животных, которые были обнаружены во время раскопок курганов Жетыясарской культуры в низовьях Сырдарьи. В трех случаях это захоронения собак, сопровождавшие захоронения человека, при этом положение трупа животных во всех трех случаях было различным. В одном кургане собака захоронена вместе с человеком, в другом случае труп животного был уложен перед входом в склеп, еще в одном склепе два трупа собак найдены в заполнении погребальной камеры. Отдельно описан жертвенный культовый комплекс, который состоял из двух частей: захоронение барана с инвентарем и импровизированный алтарь огня и яма в центре, над которой совершались неоднократные жертвоприношения животных. Захоронения человека с собакой или отдельные захоронения животных известны на огромной территории Евразии, от Днепра до Саяно-Алтая. Наиболее ранние из них датируются эпохой бронзы. Захоронения животных в контексте ритуала, как представляется, несли различную смысловую нагрузку. Как отдельная категория выделяются строительные жертвы. Самые ранние из них датируются эпохой неолита. Кроме того, некоторые захоронения можно трактовать как сопроводительные или охранительные жертвы. Одиночные захоронения животных, возможно, являются заместительными жертвами. В отдельную категорию можно выделить жертвоприношения животных, совершенные спустя какое-то время после погребения человека. Иногда они были последовательными. Сакральный ритуальный комплекс, открытый на территории курганного некрополя Кос 3, где совершались многоактные жертвоприношения собак, является уникальным и не находит себе аналогий на территории Центральной Азии. Делается вывод, что собака в погребальном обряде восточных иранцев занимала определенное место. Представления древних о собаке как об особом животном, охраннике жилища и человека, сопровождающего его в мир иной, зародились задолго до канонических постулатов зороастризма о собаке как одного из любимых творений Ахурамазды.

Ключевые слова: Южное Приаралье, Жетыясарская археологическая культура, погребальный обряд, могильник, захоронение животных

Для цитирования: Болелов С.Б. Ритуальные захоронения в курганах Жетыясарской культуры (к вопросу о роли животных в погребальном обряде первой половины I тыс. н.э.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00424 «Миграции в центральноазиатском регионе в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине н.э. по данным комплексного биоархеологического исследования»; <https://rscf.ru/project/25-18-00424/>

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00424 “Migrations in the Central Asian region at the end of the 1st millennium BC – the first half of the century AD according to a comprehensive bioarchaeological study”; <https://rscf.ru/project/25-18-00424/>

на территории Южного Приаралья). *Восток (Oriens)*. 2026. № 3. С. 28–41. DOI: 10.31696/S086919080038273-7

RITUAL BURIALS IN THE MOUNDS OF THE ZHETYASAR CULTURE
(THE ROLE OF ANIMALS IN THE FUNERAL RITE OF THE FIRST HALF
OF THE 1ST MILLENNIUM A.D. IN THE SOUTHERN ARAL SEA REGION)

© 2026

Sergey B. BOLELOV ^a

^a – State Museum of Oriental Art, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1423-293X; BSB1958@yandex.ru

Abstract: *The article discusses animal burials in the mounds of the Zhetyasar culture in the lower reaches of the Syr Darya River. In three cases, these are dog burials. The position of the animal carcass was different in all three cases. Only in one burial mound a dog was buried with a human. Sacrificial cult complex is described separately: the burial of a ram with implements, an improvised altar of fire and a pit in the center, where repeated animal sacrifices were performed. Shared burials of humans and dogs or individual burials of animals have been known in Eurasia, from the Dnieper to the Sayano-Altai, since the Bronze Age. Burials of animals in the context of the ritual carried a different semantic meaning. Construction victims stand out as a separate category. Some burials can be interpreted as accompanying or protective sacrifices, and single burials of animals are substitute ones. Animal sacrifices performed after human burial are highlighted, sometimes made consecutively. The sacred ritual complex discovered in the territory of the kurgan necropolis of Kos 3 is unique and has no analogues in Central Asia. It is concluded that dogs occupied a certain place in the funeral rite of the Eastern Iranians. The ancient people viewed the dog as a special animal, a guardian of the home and a person accompanying it to the other world, originated long before the canonical postulates of Zoroastrianism about the dog as one of the favorite creations of Ahura Mazda.*

Keywords: Southern Aral Sea region, Zhetyasar archaeological culture, burial rites, burial ground, animal burials

For citation: Bolelov S.B. Ritual Burials in the Mounds of the Zhetyasar Culture (The Role of Animals in the Funeral Rite of the First Half of the 1st Millennium A.D. in the Southern Aral Sea Region). *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 3. Pp. 28–41. DOI: 10.31696/S086919080038273-7

Во второй половине 1980-х гг. на территории Джетыясарского урочища (Юго-Восточное Приаралье) велись широкомасштабные археологические исследования курганных могильников Жетыясарской археологической культуры. Всего раскопано более 700 курганов [Левина, 1996, с. 7]. В пяти из них обнаружены захоронения собак. В кургане № 250 (могильник Алтын-Асар 4м) целый скелет собаки обнаружен в яме в центре могилы, перекрытой камышовой циновкой, на которой лежал покойный [Левина, 1996, с. 120]. В склепе № 20 (могильник Алтын-Асар 4а) скелет собаки лежал перед входом в погребальную камеру. В одном случае скелеты двух собак были найдены в заполнении склепа [Левина, 1993(2), с. 83].

Среди всех выделяется курган № 8 в центральной части могильника Косасар 3. Всего в пределах некрополя раскопано 14 курганов. Насыпь кургана была окружена рвом глубиной 0,45 м и шириной 0,7 м (рис. 1.1). Диаметр кольцевого рва, в котором предположительно

была перемычка в юго-юго-западной части, был приблизительно 7,5–8 м. На месте предполагаемой перемычки расчищено два явно ритуальных комплекса: «захоронение» барана в небольшой яме с инвентарем (рис. 1.П: 1–2) и нижняя часть крупного кувшина, заполненная древесными углями и золой (рис. 1.И).

В центре кургана была овальная в плане яма (3,6 × 1,1 м), глубиной 1,95 м (рис. 1.П), заполненная намытыми супесчаными слоями с прослойками мелкого надувного песка. В яме на различной глубине обнаружено 25 черепов животных; из них 22 принадлежат собакам (четыре крупных черепа, возможно, волчьи). Три черепа определены как кошачьи. В верхней части заполнения ямы найден полный скелет разрубленной пополам собаки [Левина, 1993(1), с. 49–50].

Находки и археологический контекст не оставляют сомнения, что курган 3 являлся сакральным местом жертвоприношения. Заполнение ямы свидетельствует о том, что она все время была открыта. Жертвоприношения совершались периодически, по всей видимости, на протяжении всего периода функционирования могильника. Видимо последней жертвой была разрубленная пополам собака. Не исключено, что в тот период ритуальной активности курганной насыпи здесь не было.

Особый интерес вызывает нижняя часть сосуда с углями и захоронение барана с инвентарем, перед входом на место жертвоприношений. Нижнюю часть сосуда с углями, где возжигался огонь, можно трактовать как импровизированный алтарь для обряда очищения. Проход на ритуальную площадку мог осуществляться между «алтарем» и захоронением барана. По мнению Л.М. Левиной, яма с захоронением барана и нижняя часть сосуда с углями были расположены в пределах рва по краям предполагаемой перемычки [Левина, 1993(1), с. 49]. Однако, по опубликованному плану [Левина, 1993(1), с. 112, рис. 15], это не так. Сосуд находится почти строго к югу от захоронения барана (рис. 1.И: 3). Если перемычка и, соответственно, вход на ритуальную площадку был действительно с юга, то сосуд с углями расположен перед захоронением барана. Учитывая расположение захоронения барана, на площадку могли заходить с юго-юго-запада. В этом случае сосуд находился с правой стороны от входящего. В индоевропейской мифологии понятие «правый – левый» связаны с понятием «рука», «чистый – нечистый». В этом контексте «право» со значением «очищать (огнем)», в отличие от «лево», считалось чистым [Маковский, 1996, с. 207–208; Болелов, 2018, с. 260].

«Право, правая сторона», видимо, имела особое значение в ритуальной практике населения Южного Приаралья первых веков н.э. Например, в скульптурных рельефных композициях в «Зале Царей» дворца на городище Топрак-кала в Хорезме мужская фигура, стоящая в нише перед центральной скульптурой Божества, держит правую руку над алтарем, расположенным справа [Рапопорт, 1984, с. 132]. Особое отношение к правой стороне фиксируется и в других областях Средней Азии. Так, например, в жилых помещениях крепости Кампыртепа (Северная Бактрия) очаг-камин всегда располагался у входа в помещения справа от входящего. Видимо, восточные иранцы придавали особое сакральное значения понятиям «право», «правая сторона», которые были связаны с чистотой, в смысле очищения [Болелов, 2018, с. 259–260]. Наличие импровизированного алтаря справа от предполагаемого входа на ритуальную площадку могильника Косасар 3 можно рассматривать как отражение древнейших универсальных представлений о ритуале очищения перед совершением обряда.

Ритуальное захоронение барана у входа-перемычки также может быть связано с воззрениями, уходящими корнями в древнейшие пласты индоевропейской мифологии. Считается, что баран является одной из ипостасей Фарна – Хварна (*hvarnah), одного из основных божеств зороастрийского пантеона, которое трактуется как божественное сияющее на-

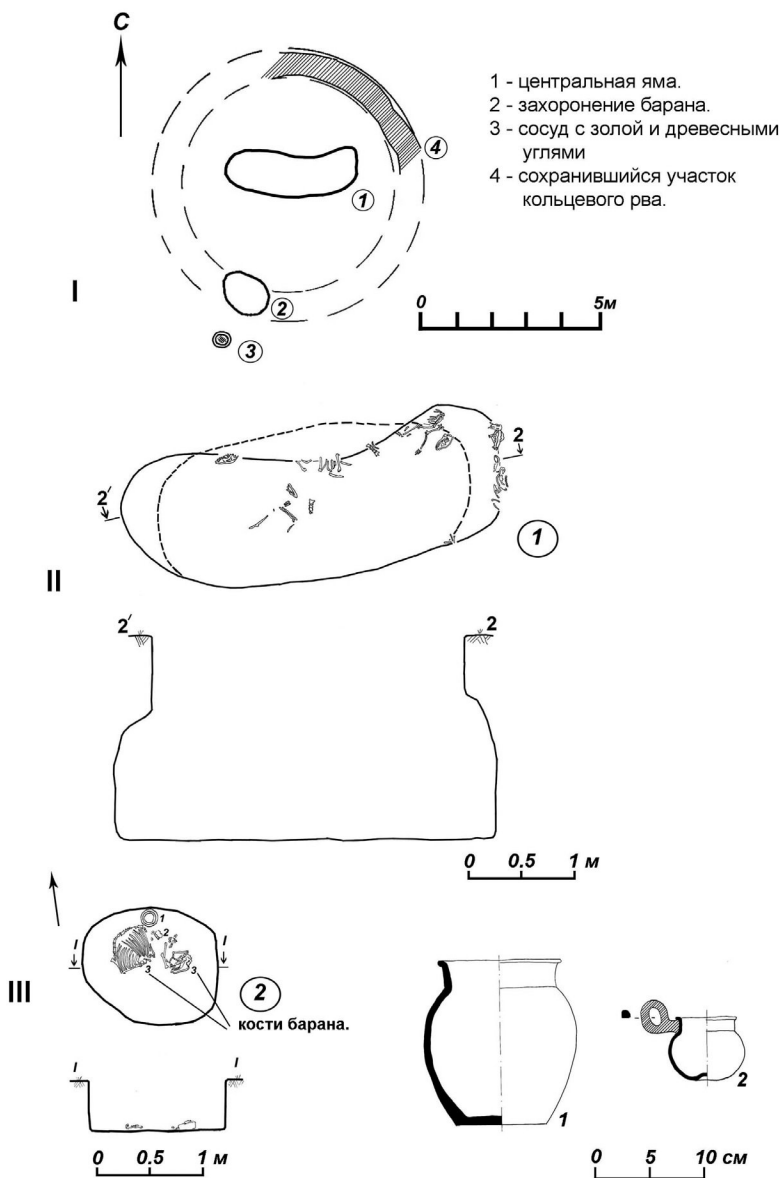

Рис. 1. Ритуальный комплекс. Курган № 8 в могильнике Косасар 3. I – общий план кургана;
 II – центральная яма: план и разрез; III – ритуальное захоронение барана
 Fig. 1. Ritual complex. Mound No. 8 in the Kos-Asar burial ground 3. I – general plan of the mound;
 II – central pit: plan and section; III – ritual burial of a ram

чало – «Божественная Судьба», дарующее успех, удачу и победу царям, героям и людям [Дрезден, 1977, с. 356; Топоров, 1982, с. 557–558]. В пехлевийских текстах свой Фарн (удача, благополучие) есть не только у каждого человека, но и у дома, области, страны [Литвинский, 1968, с. 49–50]. Культ Фарна – покровителя конкретного человека, дома, семьи, был широко распространен у ираноязычных скотоводов и кочевников в первые века н.э. В скифо-сармато-аланской среде Фарн был исконным незаимствованным божеством. Этот культ, возможно, уходит корнями в эпоху индоевропейского единства [Литвинский, 1968, с. 74].

Баран является животным, наиболее часто приносившимся в жертву. Зачастую эти жертвоприношения были связаны с погребальной обрядностью и известны с глубокой древности. В древней Месопотамии в магических лечебных и очистительных ритуалах козел или баран были заменителями человека [Антонова, 1984, с. 111]. На некрополе Гонура (эпоха бронзы) раскопано 37 преднамеренных погребений баранов/коз с инвентарем [Дубова, 2012, с. 101]. Захоронения баранов с инвентарем раскопаны на территории северного Афганистана, в могильнике Дашлы 1 [Сарианиди, 1976, с. 30–31]. Отдельные захоронения этих животных с сосудами и заупокойной пищей открыты на поселении эпохи бронзы Сапалли-тепа [Аскаров, 1977, с. 42], а также в ямных и подбойно-катакомбных захоронениях некрополя Бустон VI на юге Узбекистана [Аванесова, 2013, с. 313–315]. Захоронения баранов на Гонур-депе трактуются как искупительные жертвы. Животное жертвовали в качестве заместителя больного или смертельно больного человека [Антонова, 2016, с. 193–199].

Фарн в образе барана традиционно воспринимался как божественная сущность, приносящая богатство, власть и могущество. В то же время, есть данные, которые говорят о связи этого божества с погребальным культом. В раннесредневековых армянских источниках (История Армении Фавстоса Бузанда – V в. н.э.) говорится, что царская гробница является местом, где находится Фарн царя после его смерти [Топоров, 1982, с. 557]. В надписи на одном из хорезмийских оссуариев с городища Ток-кала об умершем говорится как о владеющем «Кавийским фарном» [Толстов, Лившиц, 1964, с. 61–62]. На этом же некрополе найдена крышка оссуария с рельефным изображением двух баранов [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 135].

Реликты древнейших представлений о связи Фарна в образе барана с погребальным культом фиксируются и по этнографическим материалам. В Хорезме, когда покойника выносили из дома, полагалось резать барана, чтобы два духа – человека и животного соединились и ушли на тот свет [Снесарев, 1969, с. 115]. В Средней Азии бытовали довольно стойкие представления о том, что душа барана помогает душе человека пройти через мост, ведущий в рай. В Ягнобе (горный Таджикистан) по погибшей овце устраивали поминки и оплакивали с причитаниями [Литвинский, 1981, с. 108–109]. Таджики долины Хуф после смерти человека закалывали белого барашка, над которым, как над человеком, совершали обряд омовения [Андреев, 1953, с. 196].

Курган № 8 в могильнике Косасар 3 можно трактовать как культовый комплекс, где выделяется два структурных элемента: входная часть с местом для очищения (нижняя часть крупного сосуда с углями) и жертвенным захоронением барана. Эта жертва могла символизировать присутствие Фарна как божества, простирающего свою благодать на место жертвоприношения. С другой стороны, захоронение барана могло восприниматься как присутствие Фарна, сопровождающего души в мир иной. По формальным признакам это захоронение напоминает захоронения животных на Гонуре: голова барана была отделена от туловища, в могиле присутствует погребальный инвентарь. Из-за огромного хронологического разрыва вряд ли можно связывать напрямую гонурские и жетыасарские

погребения. Осторожно можно предположить, что погребение барана на могильнике Кос 3 является отражением каких-то очень древних, широко распространенных универсальных реликтовых верований, связанных с бараном, зародившихся на Среднем Востоке уже в эпоху бронзы. В этом случае баран мог восприниматься как искупительная жертва.

Центральное место в ритуальном комплексе занимает яма, над которой, надо полагать, совершались жертвоприношения. Судя расположению на территории некрополя, она была общей для всего могильника. Особый интерес вызывает видовой состав жертвенных животных. В подавляющем большинстве это собаки; три черепа предположительно определены как волчьи.

Собака занимала особое положение, в религиозных представлениях населения восточно-иранских областей в эпоху господства здесь зороастризма [Крюкова, 2012, с. 140–153]. Культовое значение собаки – первого животного, прирученного человеком, – это явление стадияльного порядка, присущее многим народам независимо от этнокультурной принадлежности уже на ранних этапах развития цивилизации [Снесарев, 1969, с. 320–321]. Это подтверждается и археологическими данными. Одиночные и групповые захоронения собак в Средней Азии открыты на памятниках эпохи бронзы. На некрополе Гонура в дельте Мургаба открыто 16 отдельных захоронений собак, которые производились в «пустых» или «временных» могильных ямах после изъятия из них человеческих останков. Предполагается, что погребения животных – это часть предусмотренного местными культами ритуала, связанного с жертвоприношениями. Захоронения собак расположены вблизи «царского некрополя» Гонура. Возможно, что это жертвенники, обеспечивавшие охрану представителей правящей элиты уже после смерти [Сатаев, Дубова, 2016, с. 204–223]. Захоронение собаки с инвентарем в яме с подбоем, заложенным сырцовыми кирпичами, открыто на могильнике Бустон VI. Судя по всему, это индивидуальное захоронение животного [Аванесова, 2013, с. 315]. Учитывая эти факты, можно предположить, что представления древних о собаке как о существе, связанном с потусторонним миром, охраннике и посреднике между мирами мертвых и живых, зародились еще в глубокой древности, намного раньше, чем они были сформулированы в зороастрийской письменной традиции.

В индоиранской мифологии собака прочно связана с похоронной обрядностью, считалось, что она сопровождает человека в иной мир. Небесные собаки у Чинватского моста защищают души праведников от злых сил, так же как обычные земные собаки защищают души живых людей от злых духов, живущих на земле. В индоиранской мифологии, где собака, с одной стороны, охраняет стада и жилища, а с другой – пожирает трупы, роль собаки двойственна. Видимо, во времена индоевропейского единства собака воспринималась, прежде всего, как охранительница жилища и стада. Этими представлениями можно объяснить то, что захоронения собак в древности, зачастую, являлись строительными жертвами. На территории Восточной Европы они известны с эпохи энеолита [Формозов, 1984, с. 238–241]. В связи с этим можно вспомнить ритуал изгнания злых духов из царского дворца у хеттов. Маленькая фигурка собачки помещалась на пороге дома; при этом говорили: «ты, маленькая собачка при столе царской четы. Так же, как и днем, не пускаешь посторонних людей во двор, так и не впускай ночью злую силу» [Герни, 1987, с. 145]. Самое раннее из известных в настоящее время на территории Южного Приаралья захоронений собаки на поселении Хумбузтепа (конец VI в. до н.э.) является строительной жертвой [Боделов, 2002, с. 83–85; 2019, с. 30]. Захоронения собак, которые можно трактовать как строительные жертвы, известны и позднее. Раскрашенный черными и красными пятнами череп собаки найден в яме под крепостной стеной городища Бабиш-Мола I (IV–II вв. до н.э.) в дельте Сырдарьи. Рубежом эр датируется захоронение собаки под слоем забутовки

помещений одного из строительных горизонтов городища Томпак-Асар [Левина, 1993(1), с. 84; Болелов, 2002, с. 84].

Значительно больше захоронений собак связано с погребальным культом. В эпоху формирования комплекса маздейских и зороастрийских верований собака как охранник не только жилища, но и человека, воспринималась как охранитель души при переходе в мир иной. Наиболее ранним (вторая половина V в. до н.э.) является грунтовое захоронение, совершенное в прямоугольном алебастровом ящике-саркофаге, раскопанное в оазисе Дингильдже в Хорезме. В могиле было захоронение человека, скорее всего женщины, сопровождавшееся тремя собачьими черепами, уложенными под углом друг к другу [Воробьева, 1973, с. 83–86, 218]. Захоронения собак, датированные первыми веками н.э., обнаружены и в южных областях Средней Азии. В одном из наосов некрополя городища Тепаи-Шах среди очищенных костей человека найден череп собаки [Литвинский, Седов, 1983, с. 46]. Захоронение собаки без инвентаря открыто в могильнике Туп-Хона [Литвинский, Седов, 1984, с. 23]. Челюсть собаки на керамическом блюде найдена в одном из погребений Ширинсайского могильника на Сырдарье. Эта находка, видимо, связана с циклом похоронных церемоний, где роль культового животного принадлежала собаке [Гайдукевич, 1952, с. 350–351]. О такой же находке на городище Тали-Барзу упоминает Б.А. Литвинский [Литвинский, Седов, 1984, с. 162]. Отдельные челюсти собак вместе с человеческими костями найдены в хуме в одном из помещений усадьбы в окрестностях городища Кафир-кала под Самаркандом, где VI в. н.э. некоторые уже заброшенные помещения использовались как наос [Шишкина, 1961, с. 218]. Девять челюстей собак найдены на суфе в центральном помещении № 12 («помещение с алтарем») в ранне средневековом замке Балалык-тепа в северном Тохаристане [Альбаум, 1960, с. 101]. Эта находка не связана с погребальным обрядом. Центральное помещение замка было культовым, о чем свидетельствует алтарь огня в центре. Погребение очищенных костей собаки в отдельной яме открыто в раннесредневековом оссуарном некрополе городища Миздахкан в Хорезме [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 143–144]. Захоронения собак в бытовых сосудах и оссуариях зафиксированы в раннесредневековом могильнике городища Ток-кала. В одном из наосов в этом же могильнике, между оссуариями найдена челюсть собаки [Гудкова, 1968, с. 86, 109, 215].

Все эти захоронения, за исключением строительных жертв, как считается, связаны с зороастрийской религиозной традицией, прежде всего с особой ролью собаки как посредника между миром живых и миром мертвых. В то же время, неоднократно высказывалась точка зрения о том, что представления об особом месте собаки в индоиранской мифологии, в первую очередь в погребальном культе, зародились в индоевропейской среде задолго до канонической традиции, оформленной в зороастрийских текстах [Литвинский, 1972, с. 119–120; Литвинский, Седов, 1984, с. 161–169]. Об этом свидетельствуют и археологические данные, полученные в областях, где обитали ирано-язычные кочевники, вряд ли хорошо знакомые с учением Заратуштры, и где погребальный обряд кочевых племен никак не соответствовал предписаниям зороастрийской традиции.

Кости собак обнаружены в семи савроматских курганах на территории Южного Приуралья. В одном из курганов у села Норка полный скелет собаки лежал на покойнике вместе с расчлененной тушей барана [Смирнов, 1964, с. 102]. В одном случае (могильник Новоникольский I, Нижнее Поволжье) в кургане раннесарматского времени найдено захоронение собаки в деревянном гробу, совершенное в отдельной яме [Шилов, 1975, с. 115]. Полный костяк собаки выявлен в насыпи над могилой в одном из курганов сарматского времени у совхоза Аккермень в Запорожской области [Вязьмитина, 1954, с. 222].

Обряды, связанные с жертвоприношениями собак, в середине I тыс. до н.э. имели место на поселениях и городищах в лесостепном ареале скифского мира, где зафиксированы алтари и зольники рядом с ними со следами жертвоприношения животных [Бессонова, 1989, с. 122]. Захоронения собак, как отдельные, так и вместе с человеком, хорошо известны в поздних скифских могильниках на территории Крыма и Северного Причерноморья². Одно из них (поселение Береговой 4, V–IV вв. до н.э.), трактуется как жертвоприношение. Собака намеренно была положена в яму на территории сакральной свалки-зольника. У животного были отрублены все четыре лапы. По мнению исследователей, это захоронение было культовым, а отсутствие у собаки лап явно было связано с проведением какого-то ритуала. Жертвоприношение не связано с погребальным обрядом, но явно перекликается с эллинскими обычаями, где собаки выступали в качестве жертвенных животных. Обращает на себя внимание положение костяка. Собака положена головой к кратеру грязевого вулкана Куку-Оба, который, возможно, воспринимался как вход в преисподнюю [Абрамов, Сударев, 2011, с. 337–339]. Учитывая это, можно трактовать захоронение собаки на поселении Береговой 4 как охранительную жертву, связанную с культами подземных богов.

Захоронения собак середины – второй половины I тыс. до н.э. известны в степной зоне центрального Предкавказья и в Дагестане. В кургане № 2 могильника «Бамутский поворот» полный скелет собаки был обнаружен под человеческим костяком. В данном случае прослеживается параллель с одним из курганов могильника Алтын-Асар 4м (№ 250), где целый скелет собаки находился в яме в центральной части могилы и перекрыт камышовой циновкой, на которой лежит покойный. В могильнике «Львовский первый» скелет собаки захоронен вместе кувшином и бронзовым сосудом – это было отдельное захоронение животного с инвентарем [Прокопенко, 2016, с. 217–218].

Захоронения собак, и в том числе сопроводительные, т.е. вместе с человеком, встречаются в курганных могильниках второй половины I тыс. до н.э. в восточных областях Средней Азии и Казахстана, а также в Центральной Азии. Учитывая археологический контекст, вряд ли их можно напрямую связывать с ортодоксальной зороастрийской традицией. В кургане № 9 могильника Карагай-Булак в Чуйской долине зафиксировано несколько погребальных горизонтов. На дне могильной ямы обнаружены разрозненные кости человека и фрагменты керамических сосудов. Немного выше расчищен скелет собаки в полном анатомическом порядке, который, вероятно, был уложен в могилу спустя какое-то время после захоронения человека. При этом непонятно, была ли могила разграблена, или изначально были погребены только останки человека, поверх которых была положена собака? Могильная яма перекрыта каменной выкладкой, которая, судя по чертежу [Абетеков, 1978, с. 60, рис. 1], не была нарушена. Осторожно можно предположить, что первоначально были захоронены только кости человека и собаки, или собака была погребена спустя какое-то время после ограбления. Яма была повторно перекрыта камнями (?) и захоронение собаки, по мнению исследователя, не связано с погребением человека. Среди камней кладки, перекрывающей могильную яму, обнаружен череп еще одной собаки без нижней челюсти, а выше обнаружена передняя часть третьей собаки на войлочной подстилке. Возможно, перед захоронением труп собаки был расчленен или, скорее всего, разрублен. Самое позднее захоронение было перекрыто зольным слоем с фрагментами обгоревшего войлока, керамики и обугленных костей. Предположительно на уровне верхнего погребального горизонта было совершено сожжение собаки с последующим погребением [Абетеков, 1978, с. 59–61]. Независимо от того, связано ли захоронение человека с погребениями собак или нет, видимо в данном

² Более полную сводку захоронений собак на европейской части степной зоны Евразии и северного Причерноморья см.: [Абетеков, 1978, с. 62–65]. См. также: [Дашевская, 1989, с. 125–146; Литвинский, Седов, 1984, с. 162–163].

случае речь может идти о жертвоприношении животного, во всяком случае, на уровне верхнего погребального горизонта.

Захоронение собаки, которое можно трактовать как жертвоприношение, раскопано в кургане № 17 могильника Тургень 1 на северных склонах Зилийского Алатау. Костяк расчищен на каменной выкладке в верхних слоях могильной ямы [Горячев, Егорова, 2022, с. 229–230]. В этом же могильнике открыты захоронения собак в отдельных ямах. Сопроводительные захоронения собак обнаружены в двух центральных курганах могильника Молалы в подгорной зоне Заилийского Алатау (Южный Казахстан) [Нурмухамбетов, Трифонов, 2016, с. 16].

Скотоводы Нижней Сырдарьи, кочевники подгорной зоны Алатау и Чуйской долины едва ли были правоверными зороастрийцами, однако их особое отношение к собаке, кажется, не требует дополнительных доказательств. Маловероятно, что кочевники юго-западной Сибири были знакомы с постулатами зороастризма, но и в этих областях известны захоронения собак. Так, на Алтае в одном из курганов ранних кочевников (могильник Юстыд I, курган № 2) обнаружено погребение крупной собаки «монгольской» породы [Кубарев, Черемисин, 1987, с. 112]. Довольно устойчивые представления об особой роли собаки в ритуальных действиях, связанных с погребением умерших, фиксируются у многих племен и народов Центральной Азии и Западной Сибири. Об особом отношении к собаке обских угров и манси свидетельствуют этнографические данные [Кубарев, Черемисин, 1987, с. 113]. У племен ухуань и сяньби, обитавших к северу от Хуанхэ, считалось, что собака является проводником души покойного в мир иной «до горы Чи-Шань» [Бичурин, 1950, с. 143–144; Викторова, 1974, с. 264].

На основании изложенных выше фактов можно считать, что собака занимала особое место в ритуальной практике и в религиозных представлениях индоевропейских народов Евразии³. Есть достаточно свидетельств о роли собаки в погребальных обрядах неиндоевропейских народов Сибири и Центральной Азии. Надо полагать, эти универсальные архетипические представления уходят корнями в глубокую древность, еще в эпоху первобытного тотемизма [Токарев, 1990, с. 188–189]. Весьма показательно, что одна из групп племени сяньби, родственная ухуань и проживавшая в III в. н.э. на территории Северного Китая, долгое время сохраняла представления о собаке как о предке-тотеме [Викторова, 1974, с. 264].

Захоронения собак и связанных с ними культовых комплексов различны по своему смысловому содержанию и, видимо, занимали определенное место в обряде и погребальной практике народов Средней Азии. В этом ряду выделяются строительные жертвы, которые пока зафиксированы только на территории Южного Приаралья (Хорезм – Хумбузтепа; низовья Сырдарьи – городище Бабиш-Мола 1, Томпак-Асар). Собака здесь является охранником жилища, здания, поселения. Все остальные могилы связаны с погребальной обрядностью, но и здесь роль собаки в ритуале также не была однозначной. Захоронение собаки перед входом в погребальную камеру склепа № 20 могильника Алтын-Асар 4а можно трактовать как охранительную жертву перед входом в погребальное сооружение. В кургане № 250 в могильнике Алтын-Асар 4м скелет собаки уложен в яму, перекрытую цинковкой, на которой лежал покойник. В данном случае, это сопроводительная жертва. Собака должна была сопровождать душу покойника в мир иной. Аналогичная ситуация зафиксирована в кургане № 2 в могильнике «Бамутский поворот», где полный скелет собаки был обнаружен под человеческим костяком. К этой категории захоронений можно причислить погребение, открытое в оазисе Дингильдже в Хорезме, а также погребения человека вместе с собакой

³ О верованиях, связанных с образом собаки и ее роли в погребальной обрядности у народов Европы см.: [Литвинский, Седов, 1984, с. 163–164].

известные по источникам на территории Северного Китая. Отдельные захоронения собак с инвентарем или без инвентаря в пределах могильника (могильник Туп-хона, одиночные захоронения в могильниках Миздахкан и Ток-кала) в оссуариях или в яме, в том числе очищенных костей, можно трактовать как заместительные жертвы. Здесь напрашивается параллель с одиночными захоронениями собак в некрополях на Гонур-депе и Бустон VI.

В отдельную группу культовых памятников, связанных с погребальными церемониями, можно выделить жертвоприношения собак – курган № 17 в могильнике Тургенъ 1, а также курган № 9 в могильнике Карагай-Булак в Чуйской долине. К этой же категории можно отнести захоронение двух собак в заполнении склепа № 93 в могильнике Алтын-асар 4а, захоронение собаки в заполнении могильной ямы кургана № 2 могильника Юстыд I на Алтае. Видимо, жертвоприношением является захоронение собаки в насыпи сарматского кургана у поселка Аккермень в Запорожской области.

Ритуальный комплекс в могильнике Кос 3 является единственным в Жетыясарском урочище. На территории степной зоны Евразии и в Средней Азии даже отдаленные аналогии и параллели ему неизвестны. В кургане № 8 не было захоронения человека. Кроме того, это не одиночное захоронение животного, но, безусловно, комплекс, состоящий из двух частей, взаимосвязанных в контексте ритуала. Судя по расположению комплекса, он был общим для всего могильника, и жертвоприношения производились здесь неоднократно. Возможно, каждое очередное захоронение в этом могильнике сопровождалось принесением в жертву животного. В центральной яме, за единственным исключением (разрубленный полный скелет собаки), найдены только черепа собак и, предположительно, волка. В связи с этим отметим, что на территории Средней Азии в погребениях часто присутствовали не полные скелеты собак, но черепа (Дингильдже, некрополь Тепаи-Шах), или челюсти собак (Ширинсайский могильник, некрополь Кафыр-калы под Самаркандом). В могильнике городища Ток-кала, найдены разрозненные кости собаки, уложенные на обломок оссуария [Гудкова, 1964, с. 86]. Из этого следует, что отдельные части трупа животного могли символизировать присутствие собаки, сопровождавшей покойника в мир иной. Тело собаки или его часть можно трактовать как сопроводительную жертву. Характерной особенностью комплекса на могильнике Кос 3 является то, что, в отличие от индивидуальных захоронений животных, здесь обряд совершался централизованно и сопровождался, вероятно, регламентированными ритуальными действиями.

Захоронения и жертвоприношения собак известны на огромной территории от Днепра до Саяно-Алтая. Учитывая то, что религиозные представления, связанные с собакой, зародились в глубокой древности, невозможно выделить регион, где они возникли. Также нельзя определить и этнокультурную область, где они были широко распространены или являлись характерной особенностью погребального обряда. Особое отношение к собаке характерно для учения Зороастра. Возможно, жрецы просто использовали давно устоявшиеся древние представления и адаптировали их в соответствии с религиозными канонами. Невозможно точно сказать, откуда похоронные ритуальные действия, связанные с умерщвлением собаки, появились на территории нижней Сырдарьи, тем более что Жетыясарская культура, как можно судить на основании археологических и антропологических данных, изначально была культурой мигрантов, появившихся на территории Жетыясарского урочища не ранее первых веков н.э. [Болелов, Тажекеев, 2023, с. 177–178].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абетекоев А.К. О погребении собаки в Усунском кургане в Чуйской долине. *Краткие сообщения Института археологии*. 1978. № 154. С. 65 [Abetkov A.K. On the Burial of a Dog in the Usun Burial

Mound in the Chui Valley. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* (= *Brief Communications of the Institute of Archaeology*). 1978. No. 154. P. 65 (in Russian)].

Абрамов В.В., Сударев Н.И. Жертвоприношение собаки на поселении Береговой 4: еще один сюжет в сакральной жизни Боспора. *Боспорский феномен. Население, языки, контакты*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 337–343 [Abramov V.V., Sudarev N.I. The sacrifice of a dog at the settlement of Beregovaya 4: Another plot in the sacred life of the Bosphorus. *The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Population, Languages, Contacts*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011. Pp. 337–343 (in Russian)].

Аванесова Н.А. *Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии*. Самарканд: МИЦАИ, 2013 [Avanesova N.A. *Buston VI – Necropolis of fire worshipers of pre-urban Bactria*. Samarkand: MITSAT, 2013 (in Russian)].

Альбаум Л.И. *Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана*. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960 [Albaum L.I. *Balalyk-tepe. On the history of material culture and art of Tokharistan*. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1960 (in Russian)].

Андреев М.С. *Таджики долины Хуф (верховья Амударьи)*. Вып. 1. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1953 [Andreev M.S. *Tajiks of the Khuf Valley (upper reaches of the Amu Darya)*. Vol. 1. Stalinabad: Izd-vo AN Tadjikskoy SSR, 1953 (in Russian)].

Антонова Е.В. *Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии*. М., Наука, 1984 [Antonova E.V. *Essays on the culture of ancient farmers of Western and Central Asia*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Антонова Е.В. К интерпретации погребений баранов в БМАК. *Труды Маргианской археологической экспедиции*. Т. 6. М.: Старый Сад, 2016. С. 191–203 [Antonova E.V. On the Interpretation of Burials of Sheep in BMAC. *Transactions of Margiana Archaeological Expedition*. Vol. 6. Moscow: Staryi Sad, 2016. Pp. 191–203 (in Russian)].

Аскарров А.А. *Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана*. Ташкент: Фан, 1977 [Askarov A.A. *Ancient agricultural culture of the Bronze Age in southern Uzbekistan*. Tashkent: Fan, 1977 (in Russian)].

Бессонова С.С. Скифы и нескифские племена. Религиозные представления. *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР*. М.: Наука, 1989. С. 125–146 [Bessonova S.S. Scythians and non-Scythian tribes. Religious beliefs. *Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period. Archaeology of the USSR*. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 125–146 (in Russian)].

Бичурин Н.Я. (Иакинф) *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950 [Bichurin N.Ya. (Iakin) *Collection of information on the Peoples of Ancient Central Asia*. T. I. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950 (in Russian)].

Болелов С.Б. Ритуальное захоронение на Хумбузтепа (Южный Хорезм). *Общественные науки в Узбекистане*. 2002. № 3–4. С. 83–85 [Bolelov S.B. Ritual burial at Khumbuztepa (Southern Khorezm). *Social Sciences in Uzbekistan*. 2002. No. 3–4. Pp. 83–85 (in Russian)].

Болелов С.Б. Жилище Бактрии кушанского периода по материалам Кампыртепа. *Кампыртепа – кушанская крепость на Оксе*. М., СПб: Нестор-История, 2018. С. 239–284 [Bolelov S.B. The Kushan Era Bactrian Dwelling Based on the Materials from Kampyrtepa. *Kampyrtepa – A Kushan Fortress on the Oxus*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 239–284 (in Russian)].

Болелов С.Б. Хумбуз-тепа. Производственный центр эпохи раннего железного века в Южном Хорезме (археологические исследования 1996–1997 гг.). *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Бориса Анатольевича Литвинского*. Отв. ред. А.С. Балахванцев, Н.А. Маккавеев. М.: ИВ РАН, 2019. С. 23–66 [Bolelov S.B. Khumbuztepa. The Production Center of the Early Iron Age in South Chorasania (Archaeological Studies 1996–1997). *The Age of Empires*.

Eastern Iran from the Achaemenids to the Sasanians: Archaeology, History, Culture. Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the Memory of Boris Anatolevich Litvinsky. Moscow, April 16–18, 2018. A.S. Balakhvantsev, N.A. Makkaveev (eds.) Moscow: IOS RAS, 2019. Pp. 23–66 (in Russian)].

Болев С.Б., Тажекеев А.А. Джетысарская культура. Историко-культурный феномен в низовьях Сырдарьи (к вопросу о датировке и происхождении археологической культуры). *Население восточного Приаралья в эпоху миграций I тысячелетия по данным антропологического источника.* М.: Товарищество научных изданий КМК, 2023. С. 164–179 [Bolelov S.B., Tazhekeev A.A. Jetyasar culture. Historical and cultural phenomenon in the lower reaches of the Syrdarya (on the issue of dating and origin of archaeological culture). *Population of the Eastern Aral Sea region in the Age of Migrations of the 1st Millennium According to Anthropological Source.* Moscow: Tovarischestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2023. Pp. 164–179 (in Russian)].

Викторова Л.Л. Ранние формы религии киданей. *Бронзовый и железный век Сибири.* Новосибирск: Наука, 1974. С. 261–266 [Viktorova L.L. Early forms of the Khitan religion. *The Bronze and Iron Age in Siberia.* Novosibirsk: Nauka, 1974. Pp. 261–266 (in Russian)].

Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в Древнем Хорезме. М.: Наука, 1973 [Vorobyova M.G. Dingildje. 1st Millenium BC Manor in Ancient Khorezm. Moscow: Nauka, 1973 (in Russian)].

Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филиповка. *Вопросы скифо-сарматской археологии.* М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 220–244 [Vyazmitina M.I. Sarmatian Burials near the Novo-Filipovka Village. *Issues of Scythian-Sarmatian Archaeology.* Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1954. Pp. 220–244 (in Russian)].

Гайдукевич В.Ф. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. *Советская Археология.* 1952. № 16. С. 331–359 [Gaidukevich V.F. Burial ground near Shirin-sai in Uzbekistan. *Soviet Archaeology.* 1952. No. 16. Pp. 331–359 (in Russian)].

Герни О.Р. *Хетты.* М.: Наука, 1987 [Gurney O.R. *Hittites.* Moscow: Nauka, 1987 (Russian translation)].

Горячев А.А., Егорова Т.А. К вопросу о погребальных традициях населения раннего железного века у северных склонов Иле Алатау (по материалам кургана № 17 могильника Турген-1). *Маргулановские чтения – 2022: материалы международной научно-практической конференции.* Алматы: Институт археологии им А.Х. Маргулана, 2022. С. 222–232 [Goryachev A.A., Egorova T.A. On the question of the burial traditions of the population of the Early Iron Age near the northern slopes of the Ile Alatau (based on the materials of the burial mound No. 17 of the Turgen-I burial ground). *Margulan Readings – 2022: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference.* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Pp. 222–232 (in Russian)].

Гудкова А.В. *Ток-кала.* Ташкент: Фан, 1964 [Gudkova A.V. *Tok-kala.* Tashkent: Fan, 1964 (in Russian)].

Гудкова А.В. Новые материалы по погребальному обряду VII–VIII вв. в Кердере. *История, археология и этнография Средней Азии.* М.: Наука, 1968. С. 214–223 [Gudkova A.V. New materials on the funeral rite of the 7th – 8th centuries in Kerder. *History, archaeology and ethnography of Central Asia.* Moscow: Nauka, 1968. Pp. 214–223 (in Russian)].

Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.). *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР.* М.: Наука, 1989. С. 125–146 [Dashevskaya O.D. The Late Scythians (3rd century B.C. – 3rd century A.D.). *Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Era. Archaeology of the USSR.* Moscow: Nauka, 1989. Pp. 125–146 (in Russian)].

Дрезден М. Мифология древнего Ирана. *Мифология древнего мира.* М.: Наука, 1977. С. 337–365 [Dresden M. The Mythology of Ancient Iran. *Mythology of the Ancient World.* Moscow: Nauka, 1977. Pp. 337–365 (Russian translation)].

Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш. *Труды Маргианской археологической экспедиции*. Т. 4. *Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг.* М.: Старый Сад, 2012. С. 101–139 [Dubova N.A. Animal Burials in the Margush Country. *Transactions of Margiana Archaeological Expedition*. Vol. 4. *Gonur Depe studies in 2008–2011*. Moscow: Staryi Sad, 2012. Pp. 101–139 (in Russian)].

Крюкова В.Ю. Собаки в авестийских текстах. *Труды Маргианской археологической экспедиции*. Т. 4. *Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг.* М.: Старый Сад, 2012. С. 140–153 [Kryukova V.Y. Dogs of the Avestan Texts. *Transactions of Margiana Archaeological Expedition*. Vol. 4. *Gonur Depe studies in 2008–2011*. Moscow: Staryi Sad, 2012. Pp. 140–153 (in Russian)].

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии. *Традиционные верования и быт народов Сибири*. Новосибирск: Наука, 1987. С. 98–117 [Kubarev V.D., Cheremisin D.V. The Wolf in the Art and Beliefs of the Nomads of Central Asia. *Traditional Beliefs and Daily Life of Siberian Peoples*. Novosibirsk: Nauka, 1987. Pp. 98–117 (in Russian)].

Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-Асар, Кос-Асар и Томпак-Асар. *Низовья Сырдарьи в древности*. Вып. III. *Джетыасарская культура*. Ч. 2. *Могильники Томпакасар и Косасар*. М.: ИЭА РАН, 1993(1). С. 32–193 [Levina L.M. Excavation of burial grounds in the vicinity of the settlements of Bedaik-Asar, Kos-Asar and Tompak-Asar. *The lower reaches of the Syr Darya in ancient times*. Vol. III. *Jetyasar culture*. Part 2. *Tompakasar and Kosasar burial grounds*. Moscow: IEA RAS, 1993(1). Pp. 32–193 (in Russian)].

Левина Л.М. Джетыасарские склепы. *Низовья Сырдарьи в древности*. Вып. II. *Джетыасарская культура*. Ч. 1. *Склепы*. М.: ИЭА РАН, 1993(2). С. 33–198 [Levina L.M. The Jetyasar crypts. *The lower reaches of the Syr Darya in ancient times*. Vol. II. *Jetyasar culture*. Part 1. *Crypts*. Moscow: IEA RAS, 1993(2). Pp. 33–198 (in Russian)].

Левина Л.М. *Этнокультурная история Восточного Приаралья*. М.: Восточная литература, 1996 [Levina L.M. *Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996 (in Russian)].

Литвинский Б.А. *Кангюйско-сарматский Фарн*. Душанбе: Дониш, 1968 [Litvinsky B.A. *Kangyu-Sarmatian Farnese*. Dushanbe: Donish, 1968 (in Russian)].

Литвинский Б.А. *Курганы и курумы Западной Ферганы*. М.: Наука, 1972 [Litvinsky B.A. *Kurgans and Kurums of Western Ferghana*. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].

Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев (1). *Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье*. М.: Наука, 1981. С. 90–121 [Litvinsky B.A. Semantics of ancient beliefs and rituals of the Pamir people (1). *Central Asia and its neighbors in antiquity and the Middle Ages*. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 90–121 (in Russian)].

Литвинский Б.А., Седов А.В. *Культы и ритуалы кушанской Бактрии*. М.: Наука, 1984 [Litvinsky B.A., Sedov A.V. *Cults and rituals of Kushan Bactria*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Маковский М.М. *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках*. М.: ВЛАДАС, 1996 [Makovsky M.M. *Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages*. Moscow: VLADAS, 1996 (in Russian)].

Нурмухамбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. Курганные могильники Шурабат и Молалы (краткая характеристика, культурно-хронологический анализ). *Саки и савроматы казахстанских степей: контакт культур*. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 10–18 [Nurmukhambetov B.N., Trifonov Yu.I. Kurgan burial grounds of Shurabat and Molaly (Brief description, cultural and chronological analysis). *The Saks and Sauromats of the Kazakh steppes: Cultural contact*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2016. Pp. 10–18 (in Russian)].

Прокопенко Ю.А. О сакральном значении образов хтонических животных в культовой практике скифских и сарматских племен Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии*. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 216–224 [Prokopenko Yu.A. About the sacred values of the chthonic images of animals of Scythian

and Sarmatian tribes from the central Ciscaucasia of the second half of I millennium B.C. *Konstantin Fedorovich Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology*. Orenburg: OGPU, 2016. Pp. 216–224 (in Russian)].

Рапопорт Ю.А. Центральный массив. *Топрак-кала. Дворец. Труды ХАЭЭ*. Т. XIV. М.: Наука, 1984. С. 53–179 [Rapoport Yu.A. Central massif. *Toprak-kala. Palace. Proceedings of the Choresmian Expedition*. Vol. XIV. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 53–179 (in Russian)].

Сарианиди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса. *Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг.* М.: Наука, 1976. С. 21–86 [Sarianidi V.I. The study of the monuments of the Dashlinsky oasis. *Ancient Bactria. Materials of the Soviet-Afghan expedition of 1969–1973*. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 21–86 (in Russian)].

Смирнов К.Ф. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. М.: Наука, 1964 [Smirnov K.F. *The Sauromatians. The early history and culture of the Sarmatians*. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].

Снесарев Г.П. *Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма*. М.: Наука, 1969 [Snesarev G.P. *Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm*. Moscow: Nauka, 1969 (in Russian)].

Сатаев Р.М., Дубова Н.А. Погребения собак на «царском некрополе» Гонура. *Труды Маргианской археологической экспедиции*. Т. 6. М.: Старый Сад, 2016. С. 204–223 [Sataev R.M., Dubova N.A. Burials of Dogs at the “Royal Necropolis” of Gonur. *Transactions of Margiana Archaeological Expedition*. Vol. 6. Moscow: Staryi Sad, 2016. Pp. 204–223 (in Russian)].

Токарев С.А. *Ранние формы религии*. М.: Политическая литература, 1990 [Tokarev S.A. *Early forms of religion*. Moscow: Politicheskaya literatura, 1990 (in Russian)].

Толстов С.П., Лившиц В.А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала. *Советская этнография*. 1964. № 2. С. 50–69 [Tolstov S.P., Livshits V.A. Dated inscriptions on Khorezm ossuaries from the Tok-kala settlement. *Soviet ethnography*. 1964. No. 2. Pp. 50–69 (in Russian)].

Топоров В.Н. Фарн. *Мифы народов мира*. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 557–558 [Toporov V.N. Farn. *Myths of the peoples of the world*. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopedia, 1982. Pp. 557–558 (in Russian)].

Формозов А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла. *Советская археология*. 1984. № 4. С. 238–241 [Formozov A.A. Construction sacrifices in the settlements and dwellings of the Early Metal Age. *Soviet Archaeology*. 1984. No. 4. Pp. 238–241 (in Russian)].

Шилов В.П. *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*. Ленинград: Наука, 1975 [Shilov V.P. *Essays on the history of ancient tribes of the Lower Volga region*. Leningrad: Nauka, 1975 (in Russian)].

Шишкина Г.В. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом. *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 2. Ташкент: Фан, 1961. С. 192–222 [Shishkina G.V. Early medieval manor house near Samarkand. *History of the material culture of Uzbekistan*. Vol. 2. Tashkent: Fan, 1961. Pp. 192–222 (in Russian)].

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. *Некрополь Древнего Миздахкана*. Ташкент: Фан, 1970 [Yagodin V.N., Khodzhayov T.K. *Necropolis of Ancient Mizdakhkan*. Tashkent: Fan, 1970 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОЛЕЛОВ Сергей Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока, Москва, Россия.

Sergey B. BOLELOV, PhD (History), Senior Research Fellow, State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia.